

Дмитрий
Кочетков-Крестовский

Записки
москвича

Дмитрий Кошлаков-Крестовский
Записки москвича

«Автор»

2025

Кошлаков-Крестовский Д. В.

Записки москвича / Д. В. Кошлаков-Крестовский — «Автор»,
2025

Кое-что о Москве во мне и обо мне в Москве. Что-то правда, что-то вымысел.

© Кошлаков-Крестовский Д. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	5
Давно это было	8
Давно это было...	8
Давно это было...	10
Давно это было...	12
Давно это было...	14
Давно это было...	17
Давно это было...	19
Давно это было...	21
Давно это было...	23
Давно это было...	26
Давно это было...	28
Давно это было...	30
Давно это было...	31
Давно это было...	33
Давно это было...	35
Давно это было...	37
Давно это было...	39
Давно это было...	40
Давно это было...	41
Давно это было...	42
Давно это было...	44
Давно это было...	46
Давно это было...	48
Давно это было...	50
Давно это было...	52
Давно это было...	53
Давно это было...	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дмитрий Кошлаков-Крестовский

Записки москвича

Моему папе посвящается

Предисловие

Есть известное выражение – «Где родился, там и пригодился».

Ах, как же я рад, что родился в Москве. Ах, как же рад, что могу быть ей полезным, несмотря ни на что.

А какая она для меня, Москва?

Моя Москва – светлая и чистая, со своими аллеями и автострадами, парками и торговыми центрами, бульварами и музеями, храмами и памятниками, тихими двориками и стадионами – это одна огромная, нескончаемая родная улица, устремленная в бесконечность добра, мира, добрососедства.

Это улица с ажурными мостами и баржами на канале Москвы.

Это улица с суетой торговых центров на Ходынке и размеренной тишиной Патриарших прудов по утрам.

Это улица с пустынными аллеями Измайловского парка в выходные и бурлящая толпами людей на Тверской в праздники.

Это улица с шумными застольями людей разных национальностей и скромными переулочками Замоскворечья, где в окнах горят такие московские оранжевые абажуры.

Это улица со строгими людьми, спешащими на работу по утрам, и бабушками, отдыхающими на лавочках в компании котов и голубей. На ней в уютных кафе украдкой целуются парочки, а на тротуарах поют песни о любви уличные музыканты.

Это улица с торжественной мощью башен Кремля и скромными многоэтажками Троицка, на ней стоят небоскребы Москва-сити, и утопают в сирени деревянные домики поселка художников на Соколе.

Москва – это улица, где все друг друга знают, хотя и незнакомы между собой. Москвича всегда узнаешь в толпе в других городах. Вроде и не знаешь, как зовут, но чувствуешь особую московскую статью, особый московский взгляд. И не важно, кто он по национальности: армянин или мордвин, грузин или белорус – он свой, наш, с нашей улицы под названием Москва.

На этой улице стоит твой Дом. Твой единственный дом, который будет тебе сниться всю жизнь, хотя ты его давно покинул. Здесь в Доме на улице Москва ты встретил давно-давно свою первую любовь.

Улица Москва простирается не только в пространстве, но и во времени. На этой улице Юрий Долгорукий учиняет пир знатен, а Святитель Петр, выходец из Волыни, основывает Высоко-Петровский монастырь и переносит митрополичью кафедру в Москву, тем самым делая ее главным городом на Руси. На этой улице Минин и Пожарский освобождают страну от поляков, здесь в Кремле играли в бабки и прятки маленькие Иван Грозный и Петр Великий, на этой улице властитель мира Наполеон напрасно ждет покорности москвичей и ключи от города. Защищать эту улицу поднялись все москвичи в страшном 1941 году и выстояли перед несметными ордами фашистов. По этой улице катят на извозчике на этюды в Сокольники художники Константин Коровин и Исаак Левитан, спешат в консерваторию на Большой Никитской Рахманинов, Скрябин и Шостакович, юнкер Александр Куприн бежит в увольнительную из Александровского училища кататься на коньках на Патриаршие пруды. А Сергей

Есенин гладит щенка во дворике «по Тверскому околотку». На этой улице Сергей Павлович Королев задумчиво едет из Звездного городка в огромном черном лимузине в свой особнячок на ВДНХ. Здесь Владимир Гиляровский, раскатисто хохоча, читает в Столешниковом переулке своим друзьям главы из своей книги «Москва и москвичи»...

Улица Москва звонкая как смех ребенка, нежная как мамина ладонь и добрая как бабушка.

Мы все свои на этой улице, все соседи, мы можем ссориться и мириться, жениться и разводиться, радоваться жизни и грустить, но все равно мы старые добрые соседи, которым судьбой дана самая гостеприимная улица на свете – Москва.

Москва – как солнце. Лучи-улицы от Кремля идут по всей стране. Не нужно искать, в чём Москва первая. Она просто единственная. Как и дорогие нам люди. И все мы, живущие в Москве, составляем единое «полотно» из разных, как мы все, «лоскутков». Разные по цвету и размеру все они сшиваются незримыми нитями истории, образуя большое единое полотно-пространство.

Москва всегда была особым местом. Преображаясь до неузнаваемости, она неизменно поражала сознание современников собственным укладом и настроением. Пока сменялись династии, архитектурные стили и даже сами границы города, традиция жизни в Москве лишь крепла и развивалась. Год за годом всё новые москвичи проживали эту традицию, наполняя её своей энергией и талантом, чтобы сохранить и передать её тем, кто придет следом. И потому сегодня, обращаясь к стихам, песням и книгам о Москве прежних лет, мы без труда угадываем в них знакомый город.

Москвич гордится своим городом. Но эта гордость прежде всего не за достопримечательности, статус или богатство. Гордость москвича – в принадлежности к традиции, призвание – в том, чтобы поддерживать и обогащать её, а высший смысл – в том, чтобы передать её другим. Это чувство объединяет людей, прикладываящих усилия к развитию традиции, и тех, кого она воспитывает. В нём кроется обещание счастливого детства для московских детей и крепкой дружбы для тех, кто переезжает в столицу. Эта гордость доступна всем, кто живет и чувствует по-московски.

Москва из года в год, от столетия к столетию обречена на изменение. Смещение культур, эпох, представлений человека о комфортной среде для проживания обрекают Москву на постоянные изменения. Но наряду с неизбежностью этих изменений, нужно сохранять историю и традиции москвичей. Нельзя производить изменение привычной среды обитания горожан без их согласия. Сохранение исторического и культурного наследия Москвы, в период глобального изменения исторического центра, является на сегодня наиважнейшей задачей. Само по себе историческое и культурное наследие формирует идентичность нации, её культурный код.

Всё, что вы прочтёте в этой книге, – это заметки о моей Москве. Москве, которую я люблю, понимаю и чувствую. Это заметки не профессионального писателя, но москвича, для которого прилагательное «коренной», может использоваться, прежде всего, применительно к описанию тройки лошадей и зубов во рту.

Москвич – это скорее человек не по рождению, а по духу.

Несколько лет назад я получил вот такую рецензию от писателя-москвича Владимира Александровича Бессонова, автора книг «Вспоминая Москву», «Дом Нирнзее», «Московские задворки», «Московские углы» и многих других:

«Дмитрий, спасибо за доставленное удовольствие прочитать твой рассказ, из которого вырезался образ навсегда сгинувших милых дней и ночей, и фразы, по которым буду узнавать автора еще не читанных произведений: “Столетник остался присматривать за Геннадием Андреевичем”, “воздух она вдыхала редко, но всей своей молодой пышной грудью, падая потом без чувств”, “снежинки-пушинки <...> таяли на его лице, создавая неслышную мелодию”... Текст добротный, трифононский, с подтекстом, с НИИ сотрудниками, соседями дома, в котором

живет Геннадий Андреевич, из коих не один не прописан, а предоставлен посредством характерного “ррр” холодильника, московский до слез, потому что больше в Первопрестольной нет улиц Маркса и Энгельса и Фрунзе... Потому что лица, изображенные в нем, узнаются вмиг даже теми, кто не существовал в той милой социалистической нирване. Они не замерзли, как гвоздики, “спрятанные за пазуху его осеннего, уже не по погоде, пальто”.

Рассказ скорее чеховский: в нем надежды разбиваются на ровном месте, но даже в такой неловкой ситуации она остается, как ей кажется, абсолютно честной перед ее выбравшим человеком, у которого мир рушится на глазах».

“Рецензент” еще раз произносит слова благодарности за то, что среди моря ерундистики, ему выпало счастье соприкоснуться с настоящей, не показной литературой.

Внимательно всё рассмотрев и убедившись, что всё в полном порядке, расписался Володя Бессонов».

Давно это было

Давно это было...

Солнышко редко заглядывало в окошки нашей квартиры на первом этаже дома в узком переулке центра Москвы. Моя бабуля очень настороженно относилась к любителям заглянуть в окна, и шторы были настолько плотными, что прошли бы проверку при затемнении во время авиационных налётов в Великую Отечественную войну. Был у меня свой уголок в этой, тогда мне казавшейся огромной, квартире, аккуратно рядом с окном, выходящим в переулок. Именно там, под светом настольной лампы, я погружался в свои первые путешествия на парусных кораблях, аккуратно раскрашивая их в любимых мной альбомах. Именно там, укутавшись в одеяло, тряся от страха, когда детское воображение отчётливо слышало звук колокольчика прокажённого, сидя вместе с Диком Шелтоном в кустах Шервудского леса. Именно там я принял первое самостоятельное решение, о котором и хочу вам рассказать.

Вы спросите меня, почему я так подробно рассказываю об обстановке в квартире? Да потому что хочу, чтобы вы поняли, в какой атмосфере впервые я услышал звуки его трубы и завораживающий хрип его голоса. Луи Армстронг.

А было это давным-давно, больше сорока лет назад. Именно тогда я научился бережно вынимать виниловые пластинки из бумажных конвертов и, аккуратно нанизывая на маленький металлический стержень проигрывателя пластинок радиолы "Radiotekhnika", с трепетом подносить звукосниматель к уже полюбившейся дорожке винилового диска. Из небольших динамиков с тихим шуршанием лился нескончаемый поток великолепной музыки, казавшейся мне настолько недостижимой, что одно время я был уверен, что её доставили на землю инопланетяне. Я плыл по волнам, насакивая на рифы и попадая в полнейший штиль. Огромные наушники наполняли всего меня чудом музыки, казалось бы, очень далёкой, но на самом деле очень близкой. И я совершенно отчётливо понял, что тоже должен, да нет, просто обязан научиться играть на трубе, вторя любимому исполнителю.

В то время выходить из двора мне было категорически запрещено, но настрой мой был настолько серьёзен, что я, не боясь гнева домочадцев, решительно вышел из ворот, повернул налево, прошёл по переулку, чеканя шаг как на параде, и войдя в здание знаменитой московской музыкальной школы, в простонародье – «Мерзляковки», с порога спросил: «Где тут у вас записывают в трубачи?» Вечером, когда мама пришла с работы, я с гордостью шестилетнего мальчика сообщил, что её просят зайти в музыкальную школу. Трубу, правда, мне по возрасту не дали, но пообещали научить играть на флейте, которая, впрочем, как мне объяснили, тоже является духовым инструментом. Так началась моя, к сожалению, не законченная учёба в известнейшей московской музыкальной школе. Я, как и обещали, выучился игре на блокфлейте. Выступал в концертном зале знаменитой Гнесенки, был отличником на уроках музыки в школе, где, в качестве эксперимента, будущая министр образования разучивала с нами бетховенского «Сурка». Но это уже другая история...

Давно это было...

Давно это было...

– Поезжайте в магазин Лейпциг, там продаются блокфлейты. Покупайте и приходите. «Начнём», – сказали нам, мне и маме, после того как были записаны все мои данные в какой-то большой журнал, а мама написала заявление с прошением принять меня в музыкальную школу.

Дорога в этот, тогда мне неведомый магазин, заняла из центра Москвы какое-то невероятное количество времени и оставила в памяти неприятные воспоминания. Метро с пересадкой и плотно набитый жёлтый автобус-гармошка марки «Икарус», где мне, шестилетнему мальчишке, отдавили ноги. При поворотах резиновая «гармошка» автобуса ужасно скрипела, а сам автобус приседал на два колеса, норовя пойти вприсядку вместе со всеми пассажирами. Рыба в сумке старушки, сидящей у окна, качала хвостом в такт проезжаемым ямам, а футляр от скрипки на плече стоящего за мной мужчины больно упирался мне в спину.

Путь до магазина с непонятным мне названием «Лейпциг» показалась мне вечностью, а сам магазин с роем покупателей привлек моё внимание только отделом с железной дорогой. Но это совсем другая история.

На стеклянных витринах музыкального отдела расположились музыкальные инструменты. Те, что лежали на верхних полках, я не мог рассмотреть, хоть и стоял на мысочках и даже подпрыгивал. А те, которые были доступны моему шестилетнему взору, были мне неведомы. Кроме, пожалуй, одного, похожего на дудочку из мультфильма про Нильса. Волшебная дудочка, отправившая крысиную армию в море – вот бы и мне такую. Но мы же приехали за флейтой. И каково же было моё изумление, когда мама отошла от прилавка и вручила мне длинную картонную коробку. Я отошёл к столу, чтобы меня не толкнули пробегающие от отдела к отделу покупатели, аккуратно открыл коробку. В ней лежал футляр из бархатистой бумаги, завязанный тоненьким шнурком. Я потянул шнурок.

– Мама, это же дудочка Нильса. А мы приехали за флейтой. Тебе не то дала продавщица. Она мне показалась похожей на Бабу-Ягу.

– Нет, Димуль, это не дудочка, а флейта. Та, на которой ты будешь учиться играть в музыкальной школе.

Знаменитая «Мерзляковка» приняла меня и мою новенькую блокфлейту в свои гостеприимные объятия с радостью и также с радостью, не особо сожалея, проводила через четыре года, приоткрыв мне дверцу в мир музыки и навсегда оставив с моём сердце любовь к духовому оркестру.

Давно это было...

Давно это было...

В музыкальную школу в Мерзляковском переулке я поступил до того, как пошёл в первый класс. И впереди было моё первое Первое сентября, новая школьная жизнь, новые друзья, новые победы и поражения. Но поскольку рос я мальчиком, откормленным на бабушкиных пирожках и обязательной «корочке хлеба» после любого принятия пищи, на семейном совете решено было меня отправить в какую-нибудь спортивную секцию, чтобы минимизировать неминуемые насмешки будущих одноклассников. Сказать, что семья наша была далека от всего спортивного, – не сказать ничего. Даже спортивные передачи по телевизору переключались, от отсутствия к ним какого-то ни было интереса. Выбирали недолго, потому что главным критерием выбора было расстояние до самого места, где я по задумке своих родных, которые принимали решение, а это были бабушка и мама, должен был получать такую необходимую мне спортивную подготовку. И именно поэтому выбор остановился на самом близком, три остановки от дома на троллейбусе, варианте. Определили меня в группу общей подготовки самого на тот момент большого бассейна под открытым небом, носившего гордое имя – «Москва». Так я окунулся не только в хлорированную воду бассейна, но и в совершенно для меня на тот момент неизвестную реальность. Реальность самостоятельности. Мне предстояло не только усердно работать сорок пять минут руками и ногами три раза в неделю, но и сухонасухо вытирать голову, следить за тем, чтобы полотенце не касалось мокрого пола и по списку проверять вещи в рюкзаке, не выходя из раздевалки. Качество выполненных процедур проверяла бабушка, которая восседала на узенькой скамеечке, ожидая меня с бананом, припасённым специально для «оголодавшего» после тренировки внука. Банан, по бабушкиному разумению, должен был незамедлительно после изнуряющей тренировки восстановить утраченные силы любимого внука. Порой в ход шёл и второй банан, который уже наверняка, по бабушкиному разумению, возвращал будущей звезде советского спорта силы для дороги домой.

Я с головой окунулся в пучину состязательности. И, признаться, многое у меня получалось. Мои ноги с каждым днём молотили по воде всё сильнее и слаженнее, а руки научились зачерпывать воду большими гребками, и всё это вместе со временем превратилось в один из олимпийских видов спортивного плавания, под названием – вольный стиль или в простонародье – кроль. Но бабушкины пирожки никто не отменял, и желаемый результат никак не наступал. И всё же я не сдавался и молотил, и зачерпывал, попеременно то влево, то вправо вдыхая воздух и глотая хлорированную воду бассейна «Москва».

Со временем мне предложили перейти в соседнюю секцию – секцию водного поло. Предложение я принял и несколько лет истязал себя сложнейшими тренировками, не понимая, что закладываю тем самым серьёзный фундамент для будущего, который называется – здоровье. А ещё чуть позже поставили меня перед выбором – спорт или учеба. Я чётко понимал, что никогда не стану таким величайшим спортсменом, как мой кумир в то время – Владимир Сальников, и это понимание не оставило мне выбора. Но это совсем другая история.

Давно это было...

Давно это было...

Когда собрался семейный совет, на котором был поставлен вопрос ребром – мальчик летом должен дышать свежим воздухом, то оказалось, что обе мои бабушки, мягко скажем, спокойно относятся к исконно московскому летнему времяпрепровождению – выезду летом на дачу.

Да, такая традиция к тому моменту уже давно существовала. И как-то даже было неприлично не выезжать на дачу летом.

Кто-то покупал дома в начинающих пустеть деревнях ближайшего и не только Подмосковья. Они сразу ставили вокруг участков заборы и переставали сажать картошку в ждущую её землю.

Кто-то стоял в очереди на предприятии на распределение заветных 6-ти соток подмосковной земли, чтобы построить строго в определенном месте домик определённых размеров, а отступив от домика и забора соседей строго определённое расстояние, возвести тубзик и обсадить это всё строго регламентированным количеством плодовых деревьев и кустарников, оставив место под грядки для морковки и свёклы.

Кто-то, не находя в себе любовь к садоводству и огородничеству, но не желая отставать от моды, начиная с осени, находились в поиске съёмных дач. Одни из них по счастливой случайности договаривались снимать угол у знакомых, а кто-то каждое воскресенье ездил по населённым пунктам железнодорожных станций, расположенных не дальше часа езды от ближайшего к дому вокзала, в поисках дачи на лето.

Поскольку папа и мама к тому времени ещё не «созрели» для собственного участка и построек на нем, как и покупки готового, а их родители, хоть и были москвичами, но к даче относились с прохладой, выбран был вариант съёмного места для летнего отдыха моего молодого организма после непомерно сложного учебного года.

Так мы счастливо стали трехмесячными обладателями двух крошечных комнат и такой же крошечной терраски в деревенском доме старинного подмосковного посёлка Алабино. Это сейчас Алабино – элитное подмосковное место с трёхметровыми глухими заборами и «асфальтом до туалетов». А тогда это был тихий посёлок, заполненный наполовину дачниками, а на другую половину местными. Где был единственный магазин, в котором продавалось всё, от спичек до отрезков ткани, а продавщица знала всех по имени и порой отпускала в долг. Где был единственный клуб, где один или два раза в неделю мы, сидя на деревянных лавках, смотрели затёртые копии «шедевров» отечественного и иностранного кинематографа. Где была одна единственная библиотека, в которую все дети посёлка были записаны и имели абонементы, но книжки пылились на сколоченных из простых досок полках, потому что мало кто читал летом.

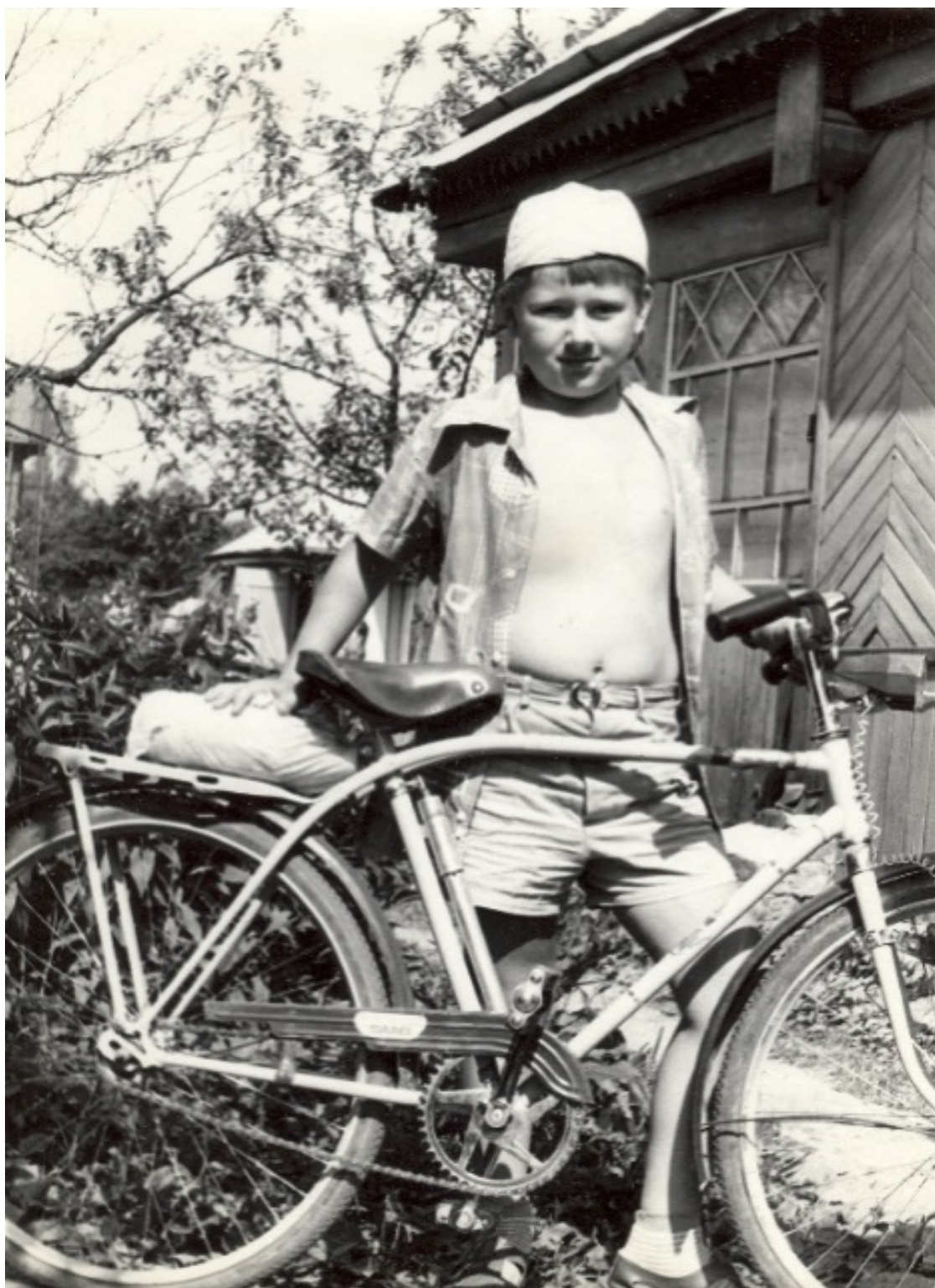
На отведённой нам части участка стоял вкопанный в землю стол и две лавки по бокам. Вокруг стола живой стеной росла ирга. Её ветки, свисая над столом, образовывали живую крышу. Весной и в начале лета там жил прилетающий каждый год соловей, а мы сидели вечерами, дуя на блюда с чаем из самовара, и слушали его неповторимые песни.

Я не знаю, какое оно девчачье лето на даче. Но точно уверен, что оно отличается от мальчишечьего. Спросите чем? Ну как же, а разбитые в кровь коленки от падения с велика во время соревнований по велоспорту на устроенной нами «Олимпиаде». А футбольные матчи с местными дотемна, когда еле мяч видно, но нужно отквитать гол. А постройка песочных замков и частоколов для армий солдатиков перед сражениями. А подготовка к запуску ракеты, которая не взлетела, но напугала быка, и он, сорвавшись с привязи, бегал за нами по полю. А ротаны в соседнем пруду, пойманные на палку с леской. А огурцы из колхозной теплицы. А зарубы в самиздатовскую монополию на старой террасе у друзей. А проход на спор мимо

злого цепного соседского пса Карая. А доспехи из картонных коробок и мечи из соседского штакетника для рыцарского турнира с деревенскими. А дрожжи в выгребной туалет вредному соседу. А зеркало и солнечные зайчики на лице понравившейся девочки на пляже у реки Десна. А...

В общем, дел много. С утра до вечера. Вместе с друзьями, счастье дружить с которыми я испытываю до сих пор. И, встречаясь сейчас, мы ненадолго становимся теми мальчишками, которые проводили прекрасные лета на даче в Алабино.

Давно это было...

Давно это было...

Проснувшись одним прекрасным зимним солнечным утром 1 января, я стремглав побежал к ёлке. Огромная красочная коробка занимала все пространство под лесной красавицей. Ёлка была большая, настолько, что большая красная звезда упиралась в потолок, и папе пришлось отпиливать верхушку. И даже Дед Мороз, долгие годы охранявший новогодние ёлочные украшения, казался на её фоне самым маленьким гномом. Упаковочная бумага скрывала надписи на плотном картоне коробки, но сердце моё забило настолько часто, насколько было возможно. Неужели это то, что мне больше всего хотелось? Но ведь я никому не говорил, что мне хочется получить в подарок на Новый Год. И только всего пару раз, подходя к ёлке, чтобы тайком стащить висящий мандарин, я рассказывал Деду Морозу о своей мечте, которую впервые увидел в Доме игрушки на Кутузовском проспекте. Туда, в самом конце лета, после возвращения с дачи, мы поехали с дедушкой для пополнения коллекции вагонов для гэдэровской железной дороги. Всё началось с двух подарочных комплектов РИКО Expert РИКО и Junior масштабом 1:87 (ширина колеи 16,5 мм), которые были мне подарены на один из дней рождения и произвели большее впечатление на папу и дедушку, нежели на меня. Дедушка так был увлечён этой «игрушкой», что с каждой его зарплатой мы ездили за новинками. Тогда я не понимал, зачем всё это, но понимаю сейчас, когда раскладываю многие метры рельсов на полу, ставлю паровоз и локомотивы и гоняю поезд с детской улыбкой и блеском в глазах. Но в тот раз я увидел его. И с тех пор все мои мысли были заняты только им – настольным хоккеем.

Конечно, он существует, думал я, распаковывая подарок. Хотя все в классе только и говорили о переодетых папах и актёрах с ватными бородами и красными носами. Кто-то даже узнавал в нём своего папу, а кто-то соседа. Скорее бы закончились каникулы. Я бы пришёл в класс и рассказал всем, как Дед Мороз услышал моё пожелание и подарил мне на Новый год то, что я так хотел.

Давно это было...

Давно это было...

В детстве я всегда старался встать пораньше и, позавтракав вместе с бабушкой и папой, устраивался у телевизора в ожидании трансляции военного парада. Я не забуду никогда тот трепет от торжественного голоса диктора, который громким басом, раскатами обрушивался на Красную площадь, наполняя её ещё большей торжественностью, объявлял:

– А сейчас на Красную площадь выходят...

Звуки чеканивших о брусчатку сапог вторили стукам моего сердца, которое готово было выпрыгнуть из груди. А после бабушка надевал плащ и выходную фетровую шляпу, натирал войлочной тряпкой до блеска ботинки, и мы вдвоём выходили на улицу. Я крепко держал бабушку за руку и семенил рядом с ним, изредка снизу вверх с восхищением поглядывая на него. Мне тогда казалось, что шляпу носят только очень большие начальники, такие, какие стояли на Мавзолее и отдавали честь проходящим по Красной площади. Бабушка почему-то на Мавзолее не стоял, но носил шляпу. Он приподнимал её и немного склонял голову, когда с кем-то здоровался на улице. Маршрут каждый год у нас был один и тот же – по Тверскому бульвару мы выходили на улицу Горького (бабушка моя её называла только Тверской, а для меня она навсегда останется Горького), по которой ещё недавно ехали танки, спускались вниз и, повернув налево, вливались в огромную реку людей, шедших к Большому театру.

– Смотри, Димулёша, – говорил мне бабушка. – Скоро совсем не останется ветеранов...

И я взахлёб смотрел, впитывал как губка, с восхищённой гордостью за них, прошедших весь этот ад и выживших ради нас, нынешних...

А потом мы шли обратно домой, перепрыгивая через текущие ручьи, которые текли вдоль улиц. Уже прошли стройными, как и недавние колонны, рядами поливальные машины, смывая оставшиеся на мостовой остатки гвоздик из папиросной бумаги и проволоки. И они плыли по асфальтовым мостовым красными пятнышками, как капельки крови...

Шли годы. И вот уже мы с моим лучшим школьным другом в первом ряду на торжественном концерте в театре Эстрады, посвящённом очередной годовщине Великой Победы, с цветами в руках. Нам выпала почётная и волнительная роль – поздравлять ветеранов, которых с каждым годом становилось всё меньше и меньше. А потом мы шли пешком в «Детский мир» и покупали небольшие флажки за 5 копеек. И бежали к Большому театру, чтобы успеть подарить их тем, кто ещё приходил 9 мая в сквер к фонтану у Большого театра...

Шли годы. И вот уже я говорил своей старшей дочери, ведя её 9 мая к Большому театру:

– Смотри, Настюша, скоро совсем не останется ветеранов...

Возвращаясь домой, мы перепрыгивали через ручейки, которые оставляли после себя поливальные машины. И также плыли по московским улицам остатки от искусственных гвоздик, как капельки крови...

Давно это было...

Давно это было...

Была такая очень популярная передача по советскому телевидению – «Кабачок 13 стульев». Как потом сказала тётушка Костика, главного героя художественного фильма «Покровские ворота»: «Наши играют французскую жизнь». В этой передаче наши играли жизнь польскую, для многих советских граждан такую же недоступную и далёкую, как и французскую. Не припомню, чтобы в нашей семье её смотрели, но так или иначе, персонажи были известны. Персонажей пана Зюзи, пани Моники, пана директора, пана Ведущего, пани Катарины и прочих заграничных панов и панночек исполняли артисты театра Сатиры. За мной, как за единственным в семье имеющим хоть какое-то отношение к спорту, с лёгкой руки моего дедули, закрепилось прозвище «пан Спортсмен».

Нужно признать, что сходство в упитанном телосложении с Юрием Витальевичем Вольтыным, который исполнял эту роль в телевизионной постановке, была, так сказать, налицо. Я очень старался сбросить хотя бы несколько «бабушкиных пирожков», но никак не получалось, и даже не помогли мне «изнуряющие» трёхразовые тренировки в бассейне с гордым именем «Москва», но так или иначе, я не оставлял неравную борьбу, которая благополучно сама собой закончилась вступлением в переходный возраст. Частенько с папой будущей звезды радиоэфира мы встречались на улице или в магазине «Консервы», что у Никитских ворот. Они жили на улице Герцена в последней из трёх высоток – в театральном, как его называли местные жители, доме. И каждый раз при встрече мне хотелось подойти к нему, протянуть руку и сказать: «Здравствуйте, пан Спортсмен».

А на фотографии мой первый тренер Татьяна Александровна Зорина, ваш покорный слуга, втягивающий тюлений живот, и ребята, имён которых я уже и не упомяну, после весенних соревнований в бассейне «Москва».

Давно это было...

Давно это было...

Моё счастливое детство было наполнено не только классическими детскими забавами, которым сопутствовали разбитые коленки и локти, но и глубочайшей, как Марианская впадина, культурной программой. Кажется, что не было воскресенья, ведь тогда для школьников это был единственный выходной, в который мы с мамой не ходили бы на выставку, в театр или на концерт. Бывали и такие дни, когда мы уезжали на автобусные экскурсии по ближайшему Подмосковию. И я, как губка, впитывал в себя весь обрушивающийся на меня поток информации.

Весь детский репертуар московских театров был мной пересмотрен. Некоторые спектакли я смотрел несколько раз. Я частенько знал сюжеты спектаклей и выявлял неточности постановок, рассказывая об этом с некоторым возмущением за вечерним семейным чаем родителям.

Особое внимание в театре я уделял своему поведению в зале. Шуршать фантиком от конфеты или беспрестанно скрипеть креслом я себе позволить не мог. Мне строго настрого было запрещено шептаться с соседями и громко смеяться. Но вот хлопать в ладоши громче всех и кричать «браво» так, как кричат в телевизоре, когда транслируют концерты из Большого театра или зала Чайковского, запретить мне не могли. И я отбивал ладошки, начиная хлопать первым и заканчивая последним, когда актёры уже уходили со сцены и занавес закрывался.

Но два раза что-то пошло не так...

Чудесный музыкальный театр Натальи Сац на проспекте Вернадского я полюбил сразу. Я вообще с детства любил музыку. А тут она просто жила везде. В фойе, в зале, за кулисами. В тот воскресный день давали музыкальный спектакль «Доктор Айболит». Не было ни одного ребёнка в зале, который бы не знал сюжета этой чудесной сказки Корнея Ивановича Чуковского. Я же весь спектакль переживал за собаку по имени Авва. Она самоотверженно сражалась с пиратами и защищала доктора. Но всё это она делала безмолвно. Но ведь собаки лают, думал я. Что же с ней не так?

И вот, в один из кульминационных моментов спектакля, когда на сцене не некоторое время повисла пауза, сопровождающаяся тишиной, я встал со своего места и начал громко лаять, помогая Авве отгонять от доктора пиратов.

Спектакль прервали из-за приступа смеха актёров. Громче всех смеялся Бармалей.

С определённого возраста для меня цирк стал таким же блестящим, как шар девочки из прочитанного мной рассказа Виктора Драгунского «Девочка на шаре». Каждый раз, приходя в цирк, я ждал этот номер. Но его почему-то не было. Были клоуны, акробаты, дрессировщики, а девочки не было.

Нужно сказать, что представления в Московском цирке на Цветном бульваре были разделены на два. Первое, как говорила моя бабуля, «сборная солянка», а второе – представление с дикими животными. Тигры и львы прыгали с табуретки на табуретку, в прыжке проскакивая сквозь кольца в руках дрессировщиков. Чтобы обезопасить зрителей, в антракте сооружалось нечто подобие круглой клетки.

Мне повезло, ведь я застал на арене московского цирка гениальных клоунов – Юрия Владимировича Никулина и Михаила Ивановича Шуйдина. Много гениальных номеров и реприз создал этот потрясающий тандем, но особенно запомнился один.

В тот вечер на представление я пришёл с мамой. Выдающиеся артисты цирка прыгали, скакали, крутились на арене, срывая оглушительные аплодисменты. Смена декораций номеров – реприза гениального клоунского тандема. И вот выходит на арену Никулин, за ним Шуйдин со стулом и яйцом. Они просят подойти шпрыхштальмейстера (это тот, кто ведёт представление)

поближе. Шуйдин кладёт яйцо на стул. Никулин садится. Потом встаёт. А яйца нет. Зал вместе с шпрыхсталмейстером в недоумении. И так несколько раз. И под аплодисменты все уходят за кулисы. И вновь на арене начинают скакать, вертеться, прыгать.

В антракте мы с мамой, как и положено, отстояв в огромной очереди в буфете, съели по мороженому. Прошлись по фойе, вдыхая запах цирка, и уселись на свои места, готовясь смотреть на тигров и львов. Напряжение, барабаны, тревожная музыка. Дрессировщик готовится засунуть свою голову в открытую пасть самого большого льва, у которого, пока дрессировщик готовится, уже сводит скулы от открытой пасти. Тишина в зале старейшего московского цирка.

– Мама, а где же яичко? – тонкий голос вашего покорного слуги срывает напряжение и номер, потому что дрессировщик аж присел от смеха.

Давно это было...

Давно это было...

Старые московские дворы. Это целая философия или даже цивилизация, которая безвозвратно потеряна, как цивилизация индейцев Майя. Некоторые из них представляли из себя ограниченно-закрытое пространство, и поэтому родители, не боясь, отпускали детей гулять в эти «детские манежи», изредка выкрикивая в форточку, стоя на кухонной табуретке: «О-беда-ть!» или «По-ра до-мой, уже позд-но!»

Нынче многие из дворов сохранили свою форму, но утратили своё содержание. Наш двор один из таких. Представляет он из себя классическую форму двора-утюга, но с некоторыми особенностями. Двор отличается от классического двора-утюга города на Неве – солнышко иногда к нам заглядывает. А в небольшом палисаднике у стены, отделяющей наш двор от двора музыкальной школы, растут деревья, посаженные вначале моим дедушкой, а потом и мной на ежегодных апрельских субботниках, на которые собирался весь дом. Но деревьям, как и людям, без света было сложно расти, и они больше походят на второгодников. Клумбы с растущими сезонными цветочками бережно оберегались дворовыми старушками во главе с Марфой Михалной. Бабушки, в светлых платочках в тёплое время года и коричневых шерстяных в холодное время, восседали на единственной дворовой скамейке и знали, как водится, всё про всех. Каждый заходящий во двор громко здоровался с ними, а каждый выходящий также громко прощался.

Дом наш был как большая коммунальная квартира. А двор – как кухня в этой квартире. Тут сушили бельё, пили вместе чай, обсуждали последние новости, сплетничали друг о друге. Дети были предоставлены сами себе, гоня по двору на велосипедах и играя в мяч. И поскольку многие семьи жили в доме долгие годы, детишки рождались такими волнами. Вначале у заселившихся дом родились дети, потом у детей родились дети, потом у детей детей родились. Нет, конечно, не все были одногодками. Так, плюс минус. В нашей компании я был самым младшим. Три брата, Дима, Вова и Саша, родившиеся в год столетия вождя пролетариата и названные в честь мальчиков из семьи симбирского учителя. И бессменный наш вратарь – Ася. Были и ещё девочки, но их редкие выходы можно было пересчитать по пальцам. Нам с ними было неинтересно, ведь они не умели играть в ножечки, брызгаться из баллончиков из-под шампуня, называемыми нами «брызгалками», и отказывались стоять в воротах...

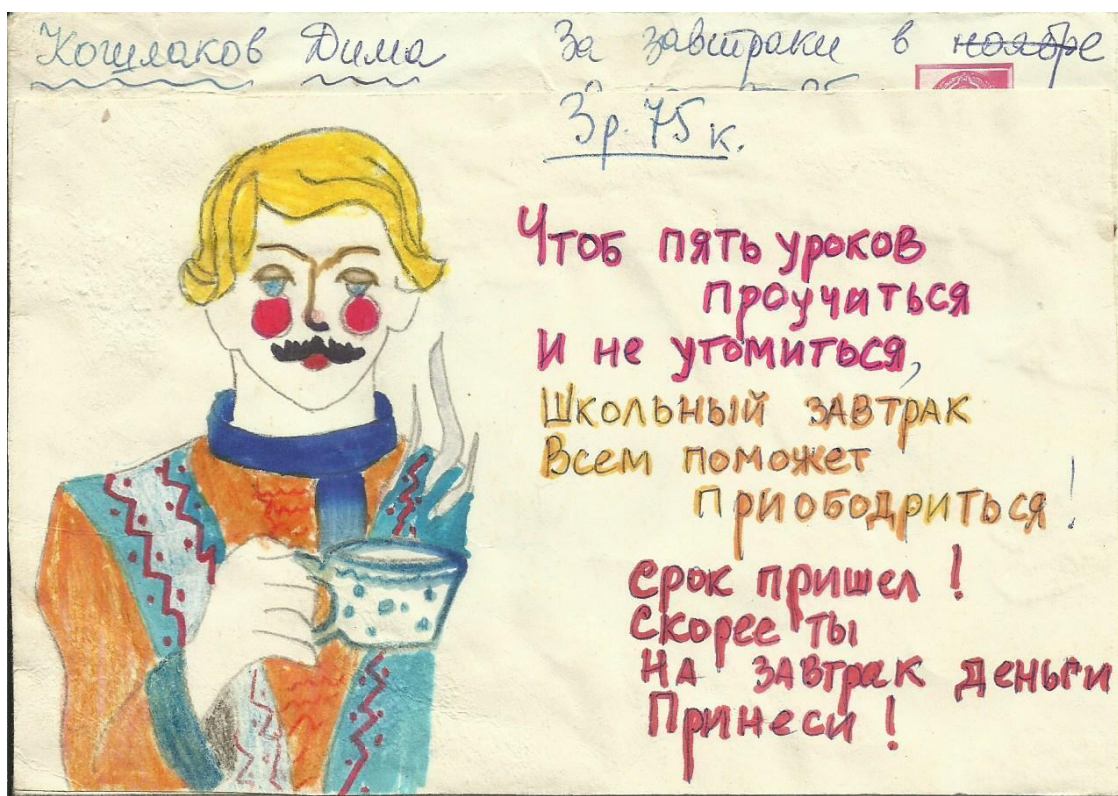
Давно это было...

Давно это было...

Память неуклонно возвращает меня в беззаботное детство. И вот я уже учусь в первом классе самой лучшей школы страны. То, что она самая лучшая, конечно же, я не понимал тогда, в первом классе. Больше скажу, мне сразу так вообще не показалось. Вовсе наоборот. Что тут хорошего? Уроки, домашние задания. А главное – ребят из детского сада, с которыми дружил, не было рядом. Всё было ново. Ко всему нужно было привыкать. Однажды вечером, после традиционного девятичасового семейного чая, когда я уже лежал в кровати, дедушка пришёл пожелать мне спокойной ночи. И я его спросил: «Дедуля, школа ведь надолго?» «Да, Димулёша, – ответил дедушка, – на десять лет. И за эти десять лет ты не только научишься читать и писать, это ты уже умеешь, но ты научишься думать и понимать окружающий мир». И вот уже не хватает времени на любимые коньки зимой, потому что классная руководитель нашего класса «А» Маргарита Павловна и Валентина Андреевна, руководившая ребятами из класса «Б», будущими извечными соперниками, задают много уроков. Нужно красиво писать в прописях и правильно считать в специальных тетрадках в клеточку. А ещё учить стихи, рисовать, бегать и ещё много чего делать. И пусть уже Дед Мороз – это актёр из службы быта. И пусть... Но это детство, которое наполнялось радостью, согревающей меня до сих пор.

Родители в нашем дружном классе подобрались примерно одного возраста. Да что там возраста, все они были, как сейчас скажут, настолько креативны, что я сегодняшний не угоноюсь за ними никак. Экскурсии, походы, спектакли, выставки. Этот нескончаемый вихрь впечатлений поднимал нас всё выше и выше, наполняя знаниями. Мы учились ставить палатки в лесу и понимать поэзию, разбираться в живописи и чувствовать музыку. Мы, как губки, впитывали энергию и знания, которыми они с щедростью делились с нами.

Каждый новый год превращался в сказочный костюмированный бал. Мы приглашались на бал в Лувр к одному из Людовиков. Нас принимал самый влиятельный шейх и потчевал восточными сладостями. Сценарии были продуманы до мелочей, а подготовка начиналась сразу после осенних каникул. Наши костюмы были достойны показов в Доме мод, пусть и сшиты они были «из того, что было». Мы не были обычными снежинками и зайчиками. Мушкетёры звучно цокали каблуками маминых сапог и импровизированными шпорами. Шейха охраняли грозные манучары с ятаганами и в огромных красных чалмах. К нам в гости приходила Баба-Яга с носом из папье-маше, и даже был замечен Мальчик-колокольчик. А обсуждения прошедшего действия не прекращалось до весны, возвращая нас в новогоднюю сказку...

Давно это было...

Давно это было...

Ах, как я ждал этот день.

Красный пионерский галстук был куплен, наверное, за месяц в «Детском мире». Там был такой специальный отдел, где продавали форму. Отдельно для мальчиков и отдельно для девочек. Там же продавались и галстуки.

Накануне я сам погладил брюки, до неприличия заутюжив стрелки, переглаживая три раза. Белая форменная рубашка с алюминиевыми «золотыми» пуговицами никак не гладилась, и бабушка, сжалившись надо мной, помогла будущему «примеру всех ребят» в этом непростом деле. Тот май выдался прохладным. Вечно продуваемый всеми ветрами Калининский испытывал мою летнюю курточку на прочность и подгонял, дуя в спину. Музей Калинина встретил нас скрипом старого дубового паркета и запахом такой же старой бумаги. Линейка, речь перезрелой пионерки, которая представилась нам пионерской вожатой, первый пионерский салют, отрепетированный накануне в школе.

Дорога обратно была необычайно быстра, но как же мне хотелось идти медленно, чтобы каждый встречный прохожий видел мой развивающийся галстук, намеренно вынутый из застёгнутой куртки.

Давно это было...

Давно это было...

В нашей школе, классической пятиэтажке середины 50-х, с актовым залом на пятом этаже и спортзалом в подвале, начальная школа была отделена на втором этаже. Раздевались мы в малюсеньком помещении, которое называлось раздевалкой, в подвале. Да в общем-то это была не раздевалка, а часть бомбоубежища, предусмотренного при постройке школьного здания. Огромные металлические двери с засовами, как на подводной лодке, возбуждали детское воображение. А приглушённый свет добавлял таинственности. Три года относительной тишины с редкими забегами вдоль длиннющего коридора и игрой с металлическим шариком на подоконнике. А там, наверху, три этажа с манящим гулом средней школы и такая близкая взрослая жизнь. Да что там, ведь можно будет выходить на лестницу и, предварительно выставив на шухере друзей, спуститься по отшлифованным многими попами перилам! Забежать в буфет, запихать в себя булочку с ненавистным какао и опретью, уже другой лестницей, перескакивая через две ступеньки, вернуться в класс. Отыскать в куче ранцев и портфелей, беспорядочно сваленных у двери, свой, потолкаться, стараясь быть первым. Дождаться звонка и ждать 45 минут возможности за 10 минут следующей перемены проделать тот же путь, но уже забежав во «взрослую» раздевалку, совершенно без надобности, просто потому что теперь туда можно. И быть опять первым у двери.

Но это всё будет потом. А сейчас закрытые двери второго этажа, один кабинет, где нас учат русскому и математике, рисованию и пению и ещё много чему, включая корейский язык с его до сих пор для меня непонятными иероглифами.

Давно это было...

Давно это было...

Я ещё застал то время, когда новогодние праздники в стране были значительно короче нынешних. Скромно, но радостно страна отмечала наступление нового года, аккуратно доедая «оливье» 1 января и, как правило, 2 января, основная масса советских рабочих и служащих приступала к непосредственным обязанностям на своих рабочих местах. Раскручивались маховики станков, включались настольные лампы, оттачивались карандаши, наполнялись тушью чернильницы и проверялись рейсфедеры. Этот факт добавлял значительную головную боль родителям детишек. Ведь у всех школьников Союза были зимние каникулы. Мамам и папам приходилось отпрашиваться с работы, чтобы отводить своих чад на многочисленные новогодние представления с неизменными конфетными подарками.

Главная ёлка огромной страны, как и положено, находилась в Кремле. Там же, в Кремле, а именно в Кремлёвском Дворце Съездов, устраивалось самое большое новогоднее театрализованное представление. Билеты туда достать было сложно, но залы на каждом представлении были забиты радостными школьниками разных возрастов. Билеты разыгрывали в бригадах и отделах. Их распределяли в профсоюзных организациях между теми, кто на протяжении года участвовал в общественной жизни предприятий народного хозяйства. Их доставали «по благу», радуясь, что ребёнок на всю жизнь запомнит это грандиозное представление.

В те времена не было современного понятия волонтер, но добровольные помощники в виде избранных пионеров московских школ, помогали по мере своих сил организаторам мероприятия. Один из этих пионеров был ваш покорный слуга. Уж не знаю, как я туда попал, но с присущей мне обязательностью я через день, как было установлено графиком, просыпался «с первыми петухами», тогда как большинство моих одноклассников нежились в тёплых постелях. Продираясь сквозь пронизывающую зимнюю утреннюю метель, я брёл по заснеженному Калининскому, предъявлял свой пропуск постовому милиционеру у Кутафьей башни и, проходя в ворота Троицкой башни, спускался по ступенькам, которые вели во второй подъезд Кремлёвского Дворца Съездов.

Два, а порой и три представления в день мы помогали малышам раздеться и устроиться в удобных креслах зала. Перед представлением мы водили хороводы, а после представлений следили за тем, чтобы детишки не сорили фантиками, получив заветные подарки в виде башен Московского Кремля или стилизованных красных звёзд.

Между представлениями мы были предоставлены сами себе и облазили все доступные помещения Кремлевского Дворца Съездов. Наши растущие организмы нуждались в регулярном приёме пищи, которую нам предоставляли в банкетном зале на последнем этаже. Куриный бульон с яйцом, пюре с котлетой и компот уничтожались мгновенно, и немного осоловевшие пионеры уже не так резво хороводили в фойе, получая замечания от старших товарищей в красных галстуках.

Как правило, все представления были по мотивам русских народных сказок, с обязательным выходом Дедушки Мороза, которого нужно было звать вместе со Снегурочкой в самом конце. Тут даже заскучавшие школьники включались в этот многоголосый хор, стараясь перекричать соседа и краснея от напряжения. Уверен, что по замыслу организаторов так и должны были заканчиваться все представления. Но порой что-то шло не так. То Снегурочка по каким-то причинам не могла выйти из-за кулис, оставаясь в темнице Дядьки Черномора или Кошечки Бессмертного. То Дед Мороз выходил на сцену до того, как многотысячный детский хор начал его звать. А пару раз Дед Мороз так и не вышел, как его не звали. Мы решили, что он растаял по пути, а его голос, который звучал на весь зал (фонограмма ведь не могла остановиться) раздавался точно из той лужи, которая была перед входом.

Всё это было внутри, и мы не могли видеть то, что происходило после представления. Родителей в Кремлёвский Дворец Съездов не пускали, и всех детишек с одинаковыми подарками в руках выводили на улицу и водили кругами как в аэропорту чемоданы. А родители, выкрикивая имена своих детишек, проталкивались сквозь крепкие спины и выдёргивали своих сыночков и дочек. Слёзы радости и горечи несколько смазывали впечатления от увиденного представления. Но подарок, крепко сжатый детскими ручками, возвращал в сказочный мир новогоднего представления.

В конце каникул, бонусом, мы получали бесплатно билет на представление. Не очень понятно, зачем он нам, если мы знали всё наизусть, разве что только из-за подарка.

Давно это было...

Давно это было...

Помните, как в том фильме: «Каждый советский человек хотя бы раз в жизни отдыхал в Сочи!» Немного перефразируя, тоже самое можно сказать о советских школьниках и пионерских лагерях. Многие мои одноклассники каждое лето минимум одну смену проводили в пионерских лагерях. А потом привозили в школу нескончаемые истории о зубной пасте на румяных девчачьих щеках, страшилках после отбоя из серии «В тёмном, тёмном...», печёной картошке в лесу за забором лагеря и, конечно же, о заключительном огромном пионерском костре с песнями под гитару.

Я в своей жизни в пионерских лагерях был два раза. Один еще будучи дошкольником. Помню я-то время слабовато, кроме, пожалуй, приобретённого там умения мести до последней песчинки пол в палате (я был вечным дежурным, потому что был самым маленьким в отряде) да умения стирать сосновую кору об асфальт так, что получались лодки, запускаемые в ручейки, которые образовывались от дождей вдоль того же самого асфальта.

Второй же раз это было уже счастливое пионерское детство. Я не очень тогда любил смену обстановки и готовился провести лето на даче, но хозяева наших двухкомнатных хором в тот год отказались от сдачи, и я отправился на две смены в подмосковный лагерь «Лесная сказка». Нужно сказать, что лагерь этот был от коломенского завода, который производит электровозы. Поэтому москвичей во всем двадцатиотрядном лагере было по пальцам перечесть. Одним из них был я.

Место для лагеря было выбрано прекрасное – в лесу, в месте слияния двух рек – Оки и Осётра.

Я не знаю, как так получилось, но в первую смену я попал в отряд, где все были старше меня года на два. Тогда это казалось пропастью. Я было приготовился опять применять своё вечно-уборочное мастерство, но произошло неожиданное. На глазах у отрядного пионервожатого, высокого крепкого молодого человека, я подрался. Конопатый парнишка кричал мне: «Эй ты, москвич, иди сюда». «Меня Дима зовут», – сквозь зубы отвечал я своему оппоненту. А он, видя, как сжимаются мои кулаки, и чувствуя своё силовое превосходство, не унимался: «Эй, ты, москвич, иди сюда». Мы кубарем катались по террасе дома, где жили. Весь отряд стоял вокруг нас, а пионервожатый пытался расцепить этот клубок. Всё же нас расцепили, а я стал «сыном полка», и меня старались все опекать. Особенно была приятна опека девочек и пионервожатой, которая почему-то жила в комнате пионервожатого, в которой была одна раскладушка, стул и тумбочка. А с мальчиком этим мы потом переписывались несколько лет, и его письма где-то у меня на антресолях сохранились. Может быть он прочтёт эти строки и вспомнит те три недели детской дружбы.

Вторая смена сулила мне авторитет «старожила» и новые знакомства в отряде одновозрастных ребят. Так оно и произошло. Я был единственный, кто знал все дырки в заборе пионерского лагеря, какие кружки освобождают от дневного тихого часа и кем нужно работать во время дежурства в столовой.

Мы просыпались от визга девочек, увидевших себя в зеркало после ночных росписей их щёк сладкой детской зубной пастой с Чебурашкой на тубике. Мы строили шалаши и пекли картошку на берегу Оки, встречая рассвет. Мы ловили слепней, привязывали к ним нитки и ходили с ними по лагерю, как с собаками на поводке, распугивая малышню. Мы читали взахлёб Дюма, русские былины и Стивенсона, придумывая продолжения и раскрашивая своими красками произведения классиков.

Мы расставались и плакали, зная, что больше никогда не увидимся. Но зато я уверен, что все мы помним то лето всю свою жизнь.

Давно это было...

Давно это было...

Много-много лет назад мне подарили старый охотничьей патронташ. А было это так.

В наш Жилищно-строительный кооператив «РАНИТ», старейший на сегодняшний день кооператив Москвы, входило несколько домов, в том числе и старый дом с адресом по ул. Грицевец. Тогда я думал, что Грицевец – это какая-то известная революционерка, положившая на алтарь революции свою жизнь. Но мою необразованность, как это часто бывало в то время, исправил дедушка. Я с огромным интересом узнал о судьбе незаурядного лётчика-аса, родившегося в простой белорусской деревне и ставшего первым из дважды Героев Советского Союза.

Дом находится в глубине квартала и скрыт от посторонних глаз. Он принадлежал крупному чайному купцу и являет собой двухэтажное кирпичное строение с потрясающими подвалами (ныне его изуродовали мансардным этажом с металлической крышей). Двор дома окружён двухэтажным Г-образным строением, в котором раньше располагались конюшни, а потом поселились люди и жили достаточно вольготно по сравнению со многими москвичами. Квартиры в бывших конюшнях были двухэтажными с отдельными входами и палисадниками с цветочными клумбами и скворечниками на жердях, вкопанных в землю.

Да, нужно сказать, что дедушка мой был бессменным председателем нашего ЖСК на протяжении многих лет и знал, и дружил со многими членами кооператива. В том числе и со старушкой, жившей в этом доме на втором этаже. Время от времени дедушка «обходил хозяйство» и, когда шёл в этот дом, непременно брал меня с собой, и мы заходили попить чаю в эту гостеприимную квартиру. Хозяйку квартиры звали Наталья Николаевна. Фамилию она носила Сергеева. Она была из почти уже утерянной части Москвы – была она московской интеллигенткой. Неизменно опрятно одета, с ушедшими речевыми оборотами – «любезный», «голубчик», «помилуйте». Дома у Натальи Николаевны всегда было тепло и уютно. Мы пили чай с сухариками, обмакивая кусочки сахара, заранее поколотые специальными щипцами в виде дракона, в чашки из тонкого фарфора. Я смутно помню её рассказы о муже, которого к тому моменту уже не было в живых, о чём очень жалею, потому что муж её был одним из первых полярных лётчиков. Позже я узнал, что Михаил Михайлович Сергеев был участником Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн. Рождённый в семье потомственных священников, Михаил Михайлович решил связать свою жизнь с морем и поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Учился он прилежно и был одним из лучших, но как часто бывает в жизни, стал Михаил Михайлович не тем, кем мечтал. Побывав на Всероссийском празднике воздухоплавания, он раз и навсегда влюбился в небо. Судьба Михаила Михайловича достойна целого романа. И думаю, что со временем о нём снимут фильм. Скажу лишь о том, что его именем был назван остров и бухта в Карском море, он был награждён именным золотым Георгиевским оружием, полученным из рук Колчака.

Похоронен Михаил Михайлович Сергеев в Москве на Ваганьковском кладбище. А его патронташ бережно хранится в нашей семье.

Давно это было...

Давно это было...

Не, ну что сказать, носить знамя пионерской дружины школы было очень почётно. Под звук барабанов, тянуть носок и шагать, как шагают солдаты почётного караула у Мавзолея или у могилы Неизвестного солдата. Только там они шагают плечом к плечу со своими сослуживцами, а тут в окружении самых красивых девочек школы в красных пилотках и белых гольфах входить в актовый зал. А там, вся школа, с четвертого по восьмой классы. Стоят по стойке смирно и приветствуют пионерским салютом. И все на тебя. Триста пар глаз. Вот она – настоящая слава. Но вот стоять, правда, было не очень. Девочки, под те же звуки, отбиваемые барабанными палочками, отправлялись отдыхать. А я, как истукан, стоял на всеобщем обозрении, слушая отчёты и планы дружины на будущий год. А за окном уже щебетали птахи, а солнечные зайчики, прыгая по лицу, щекотали нос. И приходилось часто смаргивать, а перед глазами они – тянущиеся носочки в гольфах и красные пилотки.

Я стоял и думал: «А как же сложно им, ребятам, которые стоят в Александровском саду или на Красной площади. Я тут в тепле, под крышей. А они там, на улице. В снег и дождь, под палящим летним солнцем и под пронизывающим зимним ветром». И становилось мне совсем просто стоять. И время пролетало незаметно.

Уже позже, когда я стал секретарём комсомольской организации школы, просил своего друга-одноклассника, но уже без барабанов, выносить знамя комсомольской организации. Он шел в сопровождении двух самых красивых девочек нашей параллели, а я смотрел и вспоминал себя. Вспоминая свои мучения, я намеренно оставлял рядом с ним его сопровождение. И тешил себя надеждой, что ему сейчас лучше, чем мне тогда. А самому мне приходилось всё также смаргивать, сидя за столом президиума, прогоняя непослушного солнечного зайчика. И перед глазами, как и тогда – тянущиеся носочки...

Давно это было...

Давно это было...

В каждой семье есть тот, кто что-то делает лучше всех, или просто тот, кто это что-то делает только он.

Тот, кто единственный в нашей семье занимался спортом, это я. Я никогда не любил бегать и подтягиваться. Весь мой спорт был связан с водой. С шести лет плавание, потом водное поло. Дедуля, остролов и хохмач, присвоил мне звание «пан Спортсмен», по аналогии с персонажем некогда популярной телепередачи «Кабачок 13 стульев». Вначале я, так же, как и персонаж Волынцева, внешне больше походил на тюленя и уж никак не на покорителя спортивных пьедесталов. Но время шло. Я рос. Рос ввысь и вскоре перерос всех в семье. Стал я без табуретки, на радость домочадцев, убирать вещи на антресоли и без труда открывать форточки. Дедуля говорил, что это я так тянусь в воде, вот и вытягиваюсь.

Тренера своего, как учителя, помнишь всю жизнь. За всю мою «спортивную карьеру», было у меня всего два тренера. Первый, научивший меня не бояться воду и доверять ей, – Татьяна Александровна Зорина. Тренировала она детишек младшей возрастной группы в самом большом бассейне под открытым небом – бассейне «Москва». Научить держаться на воде и правильно дышать могут, думаю, многие. А вот приоткрыть дверь в большой спорт и пояснить философию спорта могут только настоящие тренеры. И когда передо мной встал вопрос – продолжать заниматься спортом или больше уделять времени учёбе, я пошёл за советом к ней. И тогда она мне сказала: «Олимпийским чемпионом как Владимир Сальников ты не станешь. А здоровье и время потеряешь. Так что учись».

Когда я начал заниматься водным поло, я попал в секцию к Рашиду Михайловичу Авзалетдинову. Не думаю, что через годы после того, как я закончил играть с мячом в бассейне, если бы мы с Рашидом Михайловичем встретились на улице, он узнал бы меня и вспомнил. Я был один из команды. Но когда его перевели из бассейна «Москва», я, как верный «Санчо Панса» отправился за ним. Перевели его или он ушёл сам, я не знаю, да и неважно сейчас. Но оказались мы в школе олимпийского резерва, которая располагалась во дворце пионеров им. Гайдара в Текстильщиках. Год я ездил каждый день после школы из центра Москвы на, как мне тогда казалось, далёкую окраину района Текстильщики. Тренировки, уроки до полуночи, соревнования и, наконец, осознание того, что я не стану олимпийским чемпионом, остались яркой страницей в моей жизни. Страница эта подарила мне не только умение держаться на воде, правильно плавать и дышать, но и крепость здоровья, не раз помогающая мне в жизни.

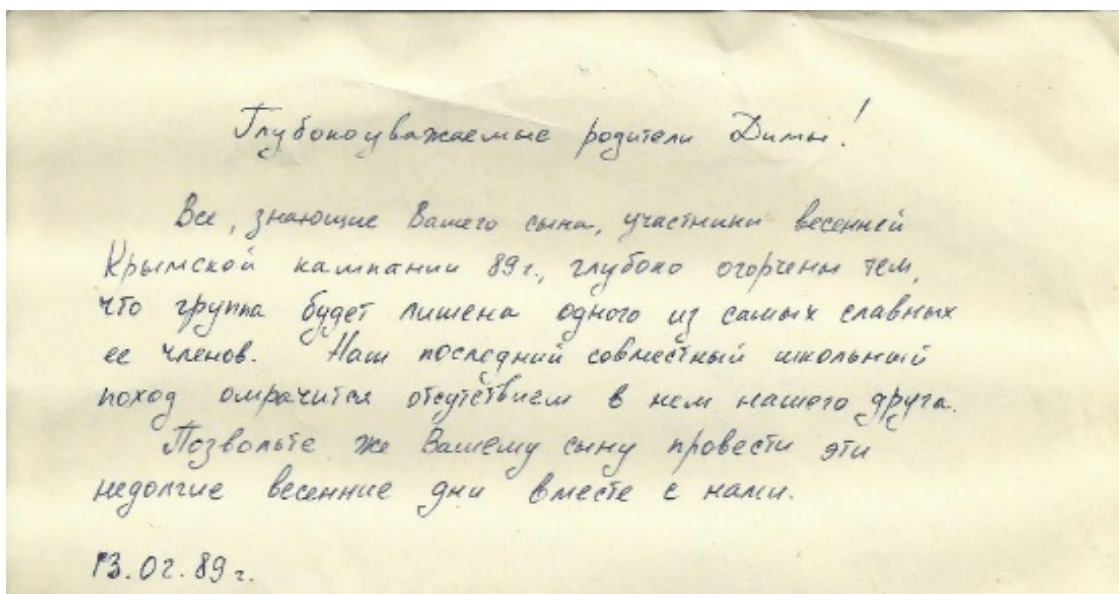
Давно это было...

Давно это было...

С сентября по март вся школа готовилась к ежегодным весенним крымским походам. Но, чтобы попасть в заветный список участников и увидеть весеннее Чёрное море где-нибудь в районе Ялты, цветущие рододендроны, снежные шапки вершин старых гор, вдохнуть свежий ветер, да и просто провести неделю в компании друзей, предстояло пройти определённое количество километров по подмосковным тропам. Ходили мы пешком и на лыжах. С ночёвками и в однодневные походы. И вот, нужные километры в копилке, поведение в норме, а вот прилежание... Да и не только само по себе прилежание, но и грядущее поступление в институт. Посещение репетиторов и библиотек. Ведь, по мнению всех моих дорогих и любимых родственников, непоступление в институт было сродни самому ужасному ужасу, который только можно было представить. Долгие переговоры на кухне не приводили к желаемому для меня результату. Заверения в уверенности в своих силах и знаниях не принимались. Мои родители наложили «вето» на мой последний в школьной жизни майский поход. Прознав об этом, мои дорогие одноклассники написали письмо родителям.

В поход я так и не пошёл, а письмо до сих пор греет мою душу воспоминаниями о той беззаветной дружбе, которая была у нас!

Давно это было...

Давно это было...

Мне часто вспоминаются походы. Однодневные и многодневные. Запах костра и вкус чая. Мокрые носки и тяжёлый рюкзак. Спальный мешок и иней на брезентовой палатке. Костёр и песни под гитару. И этот самый костёр с песнями ждали и шли к нему. Или скорее ради него. Когда все усаживались на брёвна, сложенные вокруг костровища, тесно прижимались друг к другу так, что сердца стучали в унисон. А когда стук сердец и удары гитариста по струнам сливались воедино, все начинали мелодично раскачиваться, в такт песни, вторя голосу самого главного человека у костра.

Я не помню, какой это был поход. Была большая стоянка, с несколькими разбитыми костровищами. И всем нам, походникам, выпала редкая возможность выбрать ту музыку, которая была близка. Близка каждому из нас тем подмосковным осенним вечером. Кто-то тихим дружным хором вытягивал «Милая моя, солнышко лесное...». Кто-то, подражая Высоцкому, хрипел «Здесь вам не равнина...». А у одного костра, старшеклассник в кубанке и галифе, исполнял нетленные хиты «Жуков», вперемешку с новыми произведениями «Машины времени». Я, найдя свободное местечко на бревне, уселся и стал слушать. «Я тоже научусь так играть на гитаре и петь, – думал я. – И непременно мне для этого нужны такие галифе. Без них никак не получится».

А галифе действительно были знатные. Синие с красными лампасами. В перерывах между песнями, из, как мне казалось, бездонных карманов галифе гитарист доставал коробку папирос «Герцеговина Флор», продувал папиросу, которую доставал небрежно из коробки. Так же, вроде бы небрежно, но между тем аккуратно и со знанием дела, складывал гармошкой ту часть папиросы, которую потом сжимал зубами. Дым костра перемешивался с дымом папиросы и немного дурманил. Наверное, дедушка у этого старшеклассника был генерал, и галифе были его. У меня не было дедушки генерала, но без галифе я не представлял себе дальнейшую свою жизнь и тем более себя с гитарой. Мой дедушка в юности служил офицером, пройдя, как он говорил, «славный путь от младшего лейтенанта до лейтенанта». Но, помимо подорванного на всю жизнь здоровья, за те годы он приобрёл друга, с которым дружил всю жизнь. Друг был кадровым военным. Сын его тоже. «Они непременно мне помогут с галифе, – решил я. – Пусть и не с синими и не с красными лампасами». Тем более, что однажды они мне подарили настоящую кобуру для пистолета. И пусть ни один игрушечный пистолет не подходил под её размеры – или был больше, и она не закрывалась, или был меньше, и он утопал в ней – но она, эта настоящая кобура, была с настоящим шомполом. Я прикреплял её на ремень, который опоясывал меня поверх шубы, и гордый выходил во двор, давая возможность дворовым ребятишкам, подержать кобру в руках и, вынув шомпол, обсуждать систему очистки табельного оружия.

Опуская все подробности, галифе были заказаны, и я стал ждать. Это сейчас я понимаю, что ждал я эти самые галифе, как ждал Мишка саблю из рассказа Драгунского. Бежал из школы, залетал к себе в комнату и искал в шкафу. От телефонных звонков я вообще подпрыгивал, думая, что это друзья семьи звонят, чтобы назначить встречу по передаче мне заветных галифе. Точно не скажу, сколько времени мне пришлось быть в таком напряжении, но однажды, уже почти позабыв о них, придя из школы, на своём диване обнаружил пакет с зелёными армейскими галифе. Счастью моему не было предела. Но сказался эффект «собачки, которая за время в пути смогла подрасти». Я еле-еле их на себе застегнул, но это была ерунда по сравнению с их длиной. Подрос я не только вширь, но прежде всего ввысь. Бабушка что-то попыталась сделать, достав свою любимую швейную машинку «Зингер». И пару раз я сходил в них в поход. Я потом окончательно вырос из них, и мечта сидеть у костра в галифе с гитарой и петь, в перерывах затягиваясь папиросой, так и осталась мечтой.

Давно это было...

Давно это было...

Школа, в которой мне посчастливилось провести незабываемые и самые чудесные десять лет, плавно перетекшие из детства в отрочество и грянувшие весенним громом безудержной юности, такая же необычно-грандиозная, как и учителя, дарившие нам, ученикам, все свои знания и лучшие годы своей жизни. Нужно сказать, что и некоторые ученики, помятуя пословицу «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом», после окончания школы вплотную подходили по значимости своих дарований, а порой и опережали, своих любимых педагогов. Но это отдельный рассказ, а вспомнить мне захотелось о летних неделях, проводимых нами в трудах и отдыхе на землях успешного Литовского колхоза «Плателяй». Вспоминаются не трудовые будни на полях Литовской Советской Социалистической республики, не распределение сена на сеновале, который был оборудован над коровником, не работы на колхозной лесопилке, куда допускались только самые достойные мальчики, и даже не работы по укладке плитки вокруг сельского Дома культуры. А вспоминаю, прежде всего, заключительные походы, которых ждали и к которым готовились все, с момента приезда в Плателяй. Каждый вечер, после ужина, большинство мальчишек стремглав бежали на озеро. Там, в местном яхт-клубе, нам выделялись старенькие яхты и лодки. Мы приводили их в порядок: конопатили и красили, проверяли оснастку и спасательные жилеты. И чем качественнее мы выполняли эту, вроде не хитрую работу, тем быстрее нам позволяли выйти на своих яхтах на воду. Мы набивали шишки, не успевая уворачиваться при развороте от мачт. Мы стирали в кровь ладони о канаты, натягивая паруса. Но всё это не имело ровным счётом никакого значения. Ведь впереди был поход с пересечением озера, хождением за «крокодилами», песнями у костра под гитару.

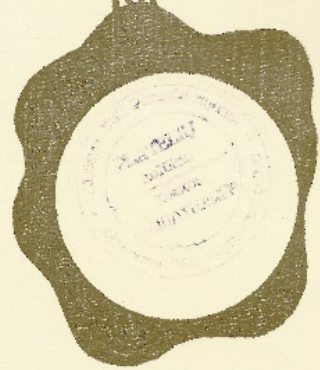
Берег чудесного озера, белизна парусов яхт, закатное солнце и лунная дорожка, глубокие вздохи и робкие прикосновения...

Давно это было...

Padėkos Raštas

PLUNGES RAJONO
PLATELIŲ KOLŪKIO VALDYBA
IR VISUOMENINĖS ORGANIZACIJOS
APDOVANOJA

*Кошлакова
Дмитрия*

KOLŪKIO PIRMININKAS

KOLŪKIO PARTINIO KOMITETO SEKRETORIUS

PROFSĄJUNGOS VIETOS KOMITETO PIRMININKAS

FIRMINĖS KOMJAUNIMO ORGANIZACIJOS
SEKRETORIUS

PLATELIAI, 1987 m. *vasarą* mėn. *2* d.

Давно это было...

Для укрепления дружбы между странами Варшавского договора, помимо программы побратимых городов, делегаций по обмену опытом и культурному обмену, существовал ещё и обмен группами школьников.

Я не знаю, по каким критериям выбирали две школы для двустороннего обмена, но нашу Экспериментальную среднюю школу № 91 при Академии педагогических наук выбрали для обмена с одной из школ третьего по величине польского города Вроцлав. Логика тут, конечно, была какая-то. Но логичнее было нам поехать в Болгарию, ведь мы всей своей пионерской дружиной изучали жизненный путь болгарского коммуниста Цвятко Радойнова, который героически пал смертью храбрых в 1942 году. Его фотографиями были увешаны специальный стенд на третьем этаже и комната пионервожатой на пятом. Фотографии я переснимал с каких-то маленьких газетных вырезок и увеличивал при печати. В итоге с фотографий на нас смотрел человек очень похожий на героя гражданской войны Григория Котовского – такой же круглолицый и лысый, как коленка.

Но выбор пал на Польшу, и мы начали готовиться к поездке. Поездка до места назначения нам предстояла на поезде. Нам – это специально и тщательно отобранным комсомольцам с незапятнанной репутацией, чтобы они, то есть мы, не ударили в грязь лицом перед братским польским народом. Конечно, братским он был только на передовицах советских газет и в сюжетах программы «Время». И хотя основным слоганом нашей поездки служила известная в советские времена поговорка «Курица – не птица, а Польша – не заграница», мы сполна ощутили польскую «любовь» к советским гражданам.

Многое для нас было в диковинку. В поезде нам поменяли какие-то суммы в рублях на польские злотые, и мы с удивлением и интересом рассматривали неведомые нам доселе иностранные деньги. Магазины были наполнены продуктами в таком количестве, что даже мы, жители центра Москвы, ходившие за молоком в «Новоарбатский» гастроном, продуктовый отдел Военторга и гастроном на Суворовском бульваре, в простонародье – «Кишку», были удивлены тем, что молоко бывает не только в бумажных пакетах за 36 копеек и «Можайское» в стеклянных бутылках, а бывает оно разной жирности. Да что там молоко. Такое количество сборных моделей самолётов, как в местном детском магазине, я не мог себе представить, и большую часть злотых, которые жгли мои карманы, потратил на них.

Мы бродили по бывшему немецкому Бреслау, удивляясь «Имперскому орлу» на канализационных люках, публичным свободным отношениям между нашими польскими ровесниками и криками «рашен швайн» из отрытых окон комнат общежития, в котором мы жили, занимаемыми такими же школьниками по обмену, но только из Восточной Германии.

Программа была разнообразна, и вечерами мы падали без сил на кровати. Сопровождали нас ребята, которые изучали русский язык и которые могли на нём изъясняться. За неделю мы подружились, и даже каждый из нас побывал на званом ужине в семье одного из польских друзей. Моего польского друга звали Пётр. Обед был вкусный, но меня не покидало ощущение натянутости отношений родителей Петра ко мне. Много позже я узнал, что большая часть поляков из некогда чешского и немецкого города – это переселенцы из тех частей Восточной Польши и Западной Украины, которые вошли в состав СССР до и после Второй Мировой войны.

Мы вернулись домой с ворохом впечатлений. А потом в Москву приехали ребята из Польши. Жили они в нашей школе, спали на наших раскладушках. Наши родители заказывали им экскурсии, а мы показывали им свою Москву.

С Петром мы переписывались ещё долго и даже отправляли друг другу пластинки.

Давно это было...

Давно это было...

Одно из, пожалуй, основных состояний в молодости – желание быть независимым. В молодости нам кажется, что независимость – это признак взрослости. Мы принимаем сомнительные решения, о которых потом приходится сожалеть. Мы считаем себя умнее остальных, а особенно родителей, которые вечно лезут со своими советами. Мы совершаем поступки, безрассудность которых понимаем значительно позже.

И, конечно же, одной из форм независимости являются собственные деньги. Чтобы не просить у папы и мамы на кино и мороженое. Или, да, что греха таить, прося на мороженое, тратить их на сигареты и пиво. И, когда появляется возможность как-то заработать, молодость опрометью бросается на любое предложение. Не все эти предложения бывают достойными, и потом зачастую эта независимость становится зависимой от помощи родителей. Но сейчас не об этом.

– Не знаю, знаете ли вы, но при поддержке райкома комсомола выделены несколько мест для работы школьникам, – немного грассируя букву «р» после прозвеневшего звонка на перемену, говорил наш учитель Экономической географии Сергей Валерьевич.

– Если кто-то хочет попробовать свои силы и официально начать свой трудовой стаж, поднимите руки, – продолжал СерВал (так его за глаза звала вся школа. – Особенно, думаю, это может быть интересно тем ребятам, кто будет поступать в медицинские институты, поскольку есть несколько мест в поликлиниках. А это начало трудового стажа в лечебном учреждении. Но есть ещё и места в отделениях Почты.

Рук было не очень много, но среди тех, кто поднял руку, был и я. А поскольку я не собирался быть врачом, и работать в поликлинике мне было неинтересно, да и выбора особого не было, я решил попробовать свои силы в одном из почтовых отделений столицы.

С направлением из райкома комсомола, характеристикой из школы и верой в свои силы я предстал перед начальником одного из отделений, которое располагалось в районе Фили.

– Конечно, нам нужны сотрудники, но детей у нас ещё не было, – начала знакомство со мной начальница отделения, женщина средних лет с густо накрашенными красными губами и в синем халате. – Есть у нас место в отделе доставки. Работа там не сложная, с деньгами не связана. Но ответственная. Выдача посылок и крупных бандеролей.

– Я согласен. Только я могу во второй половине дня, – ответил я так, как будто у меня был выбор. И мне сказали, что только три дня в неделю, без субботы и воскресенья.

– Да, условия такие. Сейчас составим график, и с завтрашнего дня можешь приступать.

На следующий день я вышел на работу. У меня появился такой же, как и у начальницы, синий халат, правда на два размера больше моего, и рабочее место на выдавшем виды стуле за прилавком отдела доставки.

– Ты в каком классе учишься? А, ну значит читать уже умеешь, – пытаюсь острить, начал разговор мой новый коллега, тогда казавшийся мне старым, пятидесятилетний мужчина с завязанным чёрной резинкой хвостиком на затылке. – Мы с тобой будем работать в паре. Я, правда, целый день. Так что я буду уходить раньше, а ты до закрытия. Закрываемся мы в восемь.

«Если я до восьми буду работать, то домой приезжать к девяти, как раз к чаю. А потом уроки. Но ничего, я сильный, да и получу через месяц зарплату», – думал я, сидя на мягком пружинном кресле старого вагона московского метро, который вёз меня домой.

– Привет представителям трудовой интеллигенции, – начал урок математики Мироныч. – Как трудовые успехи?

Мы встали из-за парт и в двух словах рассказали, кто чем занимается.

– Да, мыть пол в поликлинике и штамповать сургучные печати на почте, это как раз то, чем должны заниматься ученики математического класса. Конечно, я уважаю труд, но считаю, что школьники должны учиться. Результат, который мы с вами получим через некоторое время, я знаю. Но вы же меня не слушаете и всё равно сделаете по-своему. Садитесь. Начинаем перекрёстный опрос.

Три раза в неделю я после школы бежал на работу. Принимал и выдавал посылки. Следил за сургучом, который должен был быть всегда жидким, и печатью, которая должна была быть всегда чистой. Мы пили чай в перерывах между клиентами, а когда было мало посетителей, я решал математику.

Первую зарплату я отдал маме, а на вторую купил себя коньки Salvo. Третьей зарплату уже не было, потому что Владимир Миронович был прав. Но в молодости мы никогда не услышим разум взрослых. Тем и прекрасна молодость.

Давно это было...

Давно это было...

Я часто говорю о том, насколько мне повезло учиться в самой лучшей школе – в Экспериментальной средней школе № 91 при Академии педагогических наук. Насколько я благодарен учителям, атмосфере, духу, друзьям-одноклассникам. Основа жизненного фундамента была заложена именно там, в Москве, на улице Воровского, в доме № 14, с сентября 1979 по май 1989 года. И, конечно, потом многое было скорректировано жизнью, конечно со временем и очки с розовых пришлось сменить на прозрачные, но всё же школьные годы вспоминаются с особым теплом...

Каждое лето старшие классы выезжали в трудовой лагерь, который располагался не в Подмосковье и даже не на море. Московских школьников радушно принимал колхоз «Платежляй» Литовской ССР. Счастливые четыре недели июля мы жили, работали и отдыхали вдали от родителей, окунаясь в атмосферу самостоятельности. О походе, который завершал наше пребывание в Литве я уже рассказывал. А сейчас я остановлюсь на работе.

Понятно, что расчётливые литовцы не собирались доверять нам особо ответственную работу, такую как, к примеру, в коровнике. Да и признаться, какие из нас доярки или зоотехники? Многие из нас, рафинированных москвичей, и коров-то так близко не видели никогда, не говоря уже о том, что не пили настоящее парное молоко. И нас использовали в поле, где огромные машины собирали уже поспевшую траву, а потом выплёвывали сзади громадные брикеты, связанные крепкой верёвкой. Я, смотря на них, всегда вспоминал одну из серий наизусть известного мультфильма «Ну, погоди», где бедолага Волк, захватив в порыве бесконечной ловли Зайца подобную машину, врывается на птичий двор и брикетит куриц на глазах у изумлённого петуха. Работали мы в сенохранилище, которое находилось аккуратно над коровником, запах от которого по возвращении в Москву преследовал нас ещё несколько недель. Мы пропахли насквозь сухим сеном и коровами. Укладывали плитку (да, да, именно плитку) вокруг деревенской гостиницы, в которой тогда никто не жил, а построена она была для яхтсменов, которые ежегодно приезжали на местную регату. А самые ответственные и крепкие мальчуганы допускались до работы на лесопилке. Однажды и мне довелось потрудиться в элитной бригаде лесопильщиков, где, по мнению моей мамы, я надорвал спину. Но это совсем другая история...

Давно это было...

Давно это было...

Раньше часто люди ходили в походы. Нет, сейчас тоже ходят, но уже не так массово. Я успел застать, пожалуй, окончание походной эры, когда непременно нужно было иметь удобный рюкзак, походные ботинки, КЛМН (кружку, ложку, миску, нож). А если была палатка, то её счастливый обладатель был обречён на отсутствие выходных.

Все походные тяготы с лихвой компенсировались вечерним костром, ароматный чаем из котелка и песнями под гитару. Гитара. Я всю жизнь мечтал выучиться игре на гитаре. Однажды родители даже подарили мне гитару и самоучитель игры на ней. Казалось, вот она мечта, прямо рукой подать. Но гитара оказалась семиструнной, самоучитель для шестиструнной, да и все друзья владели техникой игры на шестиструнной подруге всех походников. Так мечта осталась в далёкой и беззаботной юности.

А рюкзак, мой верный спутник, прописан теперь на даче. От него всё так же пахнет костром и романтикой.

Давно это было...

Давно это было...

Ускорение, перестройка и демократизация, нацепив на себя семимильные сапоги, шагали по стране. Крепнувшие умы старшеклассников нашей самой лучшей школы не оставались в стороне. Школа бурлила, как вода в кипящем чайнике, обсуждая события в стране, ожидая перемен и вдыхая, как нам тогда казалось, воздух свободы, такой же неминуемой, как последний звонок.

В те годы довелось мне быть секретарём комсомольской организации школы. И вот, вступив в должность, я первым делом, по совету моего друга-одноклассника, соседа по парте на уроках английского языка, Серёги, учредил школьную газету «Гласница». Сам Серёжка стал в новом печатном издании редактором.

Первый номер газеты вышел, как говорится на одном дыхании. Вступительная статья вашего покорного слуги, обзорные заметки главного редактора и его заместителя. О персональных компьютерах тогда и мечтать не приходилось, и поэтому средством печати и размножения выступали печатающие машинки, которые стояли на письменных столах под чехлами. Дефицитом была и сама бумага, и ролики с окрашенной лентой, по которой били специальные «собачки» печатающих машинок с буквами и знаками препинаниями. Такая машинка была у главного редактора первого печатного издания лучшей школы. Копирка и бумага была выделена моим дедушкой. Ночь накануне выдалась беспокойной. А утром мне казалось, что краска не высохла на бумаге, и наша газета пахла типографией.

Мы успели выпустить восемь выпусков. А потом закончилось детство звонком первоклассницы на плече моего одноклассника. Все выпуски сохранились у меня. Время от времени я достаю их, перелистываю, вспоминаю, улыбаюсь. Ведь всегда интересно оглянуться назад да и увидеть ныне известных авторов некоторых статей.

Давно это было...

4 мая
1988г.

ГЛАСНИЦА № 1

Орган Комитета Комсомола 9-й школы г. Москвы. Издается с 4 мая 1988г.

Сегодня в номере:

Мы помним, что Комитет Газеты Зела очень активен, но все же решимось взяться за эту работу без колебаний!

Читайте редакционную статью о задачах Гласницы" на 1-ой странице

«Самый общественно-миссия» рубрика, посвящена на великий труд»

«Иногда ли нам газету?»
Эта тема первой рубрики рубрики. Это материал читайте на 2-ой странице

«...разобраться, и тогда выйдете через...»
...только сейчас, и...
...Собачья вилка»

Статью, посвященную...
...Комитета Комсомола,
...вы сможете прочитать на 3-ей странице.

Праздник рубрика, посвященный проблеме

Материал о I турнире по мини-футболу...
...на 4-ой странице

Комитет Комсомола решил работать активно

О том, что из того...
...статья «Будем активней»...
...на 2-ой странице

ОТ РЕДАКЦИИ

Итак, у Комитета Комсомола нашей школы появилась своя газета. Безусловно, необходимость в периодическом издании возникла уже давно. Но все у старого Комитета Комсомола не доходило руки, других забот хватало. И вот, новый его состав, еще не зная, сколько проблем ждет его впереди, решил навязать себе еще одну. Мы понимаем, что выпуск газеты дело очень ответственное, но все же решились взяться за эту работу без колебаний. И за этим шагом стоит не только и не столько желание поднять престиж нового Комитета. Главной задачей «Гласницы» станет исправление той далекой от отличной ситуации, сложившейся на сегодняшний день в комсомольской организации школы. Недавняя общественно-политическая аттестация выявила серьезные упущения в работе с комсомольцами старого Комитета. Многие не в курсе политических событий, происходящих в мире, некоторые комсомольцы не знают своих общественных поручений. Почти все не могут назвать имя того члена Комитета Комсомола, который является ответственным за их направление работы. Налицо оторванность Комитета от первичных организаций школы. Наконец, дал себя знать еще один серьезнейший недостаток: многие старшеклассники не желают по разным причинам вступать в Комсомол. Здесь, безусловно, сказались нехватка агитационной работы Комитета.

Появление «Гласницы» должно решить многие из этих проблем. Мы надеемся, что газета станет проводником идей Комитета, а также выразит интересы всех учащихся нашей школы. Каждый сможет через газету выразить свою точку зрения по любому вопросу, относящемуся к школьным делам. Не стесняйтесь, приносите свои мысли и предложения в газету, давайте думать вместе о том, как сделать жизнь нашей школы интересней, разнообразней. Уже давно пора ломать утвердившийся стереотип: всякая по-настоящему новая инициатива должна исходить от учителей или Комитета. Делать, кому как не им ломать голову над этим. С такой пассивностью «простых» комсомольцев недо вести непримиримую борьбу, и «Гласница» призвана помочь в этом Комитету.

В общем, давайте не будем стоять в стороне от дел, @ проходить

Давно это было...

В солнечный майский полдень нам, десятиклассникам Экспериментальной средней школы № 91 при Академии педагогических наук, велено было собраться на пятом этаже в актовом зале. Не сказать, что я как-то сильно волновался, ведь казалось, что мало что изменится и все, кто был рядом все эти десять лет, никуда не денутся из моей жизни. Мы будем также близки и дороги друг другу, а этот ритуал с колокольчиком – всего лишь очередная черта, которую неминуемо нужно подвести. Стрелочки на брюках, отутюженный пиджак, белая рубашка и специально купленный галстук с вечера красовались на вешалке и ждали своего часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.